

Анна МАРКИНА

Анна Маркина родилась в 1989 году. Окончила Литературный институт им. Горького. Публикации стихов, прозы и критики – в «Дружбе Народов», Prosodia, «Интерпоэзии», «Юности», «Новом Береге», «Крещатике» и др. Автор трех книг стихов и повести для детей. Главный редактор журнала и издательства «Формаслов». Живет в Люберцах.

РАССКАЗЫ

Рыба моя рыба

*

– Людмила Николаевна, саня на этой неделе не придет в школу, у нас бабушка умерла

- Арсений, примите мои соболезнования...
- Мы домашнее задание постараемся сделать
- Хорошо. Держитесь!
- Спасибо Вам!

*

– Людмила Николаевна, здравствуйте! Можно мы эту неделю тоже пропустим? У сани похоже психотравма, не хочет выходить из дома(((

- Арсений, добрый день! Я вам очень сочувствую, но по семейным обстоятельствам можно пропустить не больше недели. Вас нет уже десять дней.
- Ну что я сделаю, если он не выходит из комнаты! Силой его тащить?
- Тогда нужна справка от врача!
- Так он же не болен.....
- Арсений, либо приходите в школу, либо несите справку!
- Хорошо, понял. Спасибо!

*

- Арсений, Саши опять не было в школе
- Он сидит у аквариума и укусил меня!
- Укусил??
- когда я его утром пробовал вытащить из дома....
- Это на него не похоже. Он же очень спокойный.
- Я же говорю, у него травма
- А почему он сидит у аквариума?
- Он считает, что там бабушка...
- ???
- Думает, что бабушка стала рыбой...
- Так.
- я не знаю, что с ним делать и сколько это продлится
- А вы пробовали с ним говорить о смерти?
- Я ему сто раз говорил, что бабушки больше нет. Он не верит. Говорю, мы ее похоронили, положили в землю. А он такой мы тело положили в землю а не душу а душа теперь в рыбе(((
- Так.
- ...

- Я посоветуюсь и напишу вам завтра.
- Хорошо! Спасибо!

*

- Арсений, добрый вечер! Как вы там?
- Добрый вечер, Людмила Николаевна. Сегодня врача вызывали, справку не дали. Извините нас, пожалуйста, не знаю, что делать.
- Что врач сказал?
- что Саня симулирует. Наорала на него, потом на меня.
- Вот сволочь! А вы что?
- Ну я ей сказал, что это она врачебную деятельность симулирует и что мой сын просто очень любил бабушку. Она же у него была вместо мамы, фактически...
- Ох.
- Может, психолога ему в интернете поискать?
- Так он справку не даст, наверное. Надо на прием куда-то везти... Буду думать.
- Я вот что хотела предложить, пока ищете психолога. Мы тут с Ольгой Николаевной и Марией Степановной посоветовались... А если рыбу просто с собой носить?
- в смысле?
- Раз он не хочет ее оставлять, пусть берет с собой. Некоторые дети же приносят в школу игрушки. Пусть Саша приходит с аквариумом. Он постепенно адаптируется, с ребятами начнет общаться... и потом в себя придет. Ему главное сейчас помочь пережить горе. С другими людьми, а не в четырех стенах.
- я даже не знаю, аквариум тяжелый
- Ну, может, походный вариант купить...
- я подумаю, Людмила Николаевна, спасибо Вам огромное!
- Вы не волнуйтесь, все встанет на свои места. А мы Саше обязательно поможем справиться.
- спасибо!!!

*

- Людмила Николаевна, доброе утро, Вы гений!! Саня согласился пойти в школу!
- Сам? Или с аквариумом?
- с крючком, да
- Крючок?
- крючок, это наша рыба...
- Ааа...
- У меня как раз отпуск заканчивается. Я заказал переноску для рыб
- Ура! Вот увидите, общение с ребятами Саше поможет. А что, бывают специальные переноски для рыб?)
- такой пластиковый контейнер с ручками, с дырочками и дверцей сверху))
- Ого! Когда теперь в школу?
- послезавтра точно будем!)
- Хорошо. Я лично прослежу за классом, все объясню, не волнуйтесь
- вы спасительница!))))
- Вы ему только скажите, чтобы он про бабушку не очень распространялся...

*

- Людмила Николаевна, добрый вечер! Извините, что постоянно дергаю, просто саня мне ничего не рассказывает. Как все прошло?

– Арсений, добрый вечер. Вроде неплохо. Он ребятам показывал рыбку, все ее разглядывали. Только он, действительно, от нее не отходит. Все носятся на перемене, а он в классе сидит((

– Как вы думаете, это надолго?

– Я же не психолог. Но думаю, скоро пройдет... должен же он переключиться на одноклассников. К тому же ему нравится одна девочка, может быть, это как-то подстегнет.

– Да? Что за девочка?

– Таня Пшеничкина. Тоже рыбами увлекается.

– хорошо, а то я завтра возвращаюсь на работу, времени почти не будет

– Ок

– мне только его возить постоянно придется в школу и из школы, а то боюсь Крючочек замерзнет, холодно

– Арсений, вы со всем разберетесь

– Извините. Я наверное вас отвлекаю?

– Я на концерте

– Извините и спасибо! Хорошего вечера!

*

– Арсений, вы где? Саша уже целый час сидит в классе один, уроки давно закончились.

– не могу приехать на работе

– А что с ребенком делать? Это уже не в первый раз!!!!

– Людмила Николаевна не могу говорить скоро освобожусь

– Мне, что ли, вашего ребенка домой вести? Вам не стыдно?

– ...

– Людмила Николаевна, простите, пожалуйста, не могу вырваться сейчас. Пусть сам идет домой, там 7 минут пешком.

– А рыба не замерзнет?

– ну пусть быстро идет, накройте ее чем-нибудь, я не знаю

*

– Людмила Николаевна, с 8 марта! Спасибо вам за все!))

– Спасибо

– Я купил утепленную сумку и контейнер поменьше, чтоб в сумку умещался) Еще стенки пенопластом обложил) Теперь можно так носить. Так что саня теперь сам будет приходить и уходить

– Ок

*

– Арсений, добрый вечер! Как Саша?

– Я пока на работе, но вроде как обычно...

– Восемь вечера уже...

– кто-то должен оплачивать психолога...

– Он вчера сильно расстроился?

– А что было?

– Вы бы с ним почаще разговаривали! Он вчера попросился на урок труда вместе с девочками. Сказал, что будет учиться шить и что хочет стать модельером. Принес кусок ткани, сел за первую парту и стал вырезать из ткани кружки, а из них делать цветы. Все стали его дразнить, что он ведет себя как девчонка. Потом к нему Таня подсела и стала помогать ему эти цветы пришивать к сумке. А потом он сказал Тане, что в этом платье умерла его бабушка и что после смерти ее душа переселилась в рыбу. И Таня тогда

запищала, побежала мыть руки и всем стала рассказывать, что у Саши «кукуха съехала». Я это только потом узнала, когда он уже с уроков ушел.

– ((((((Может, он хоть теперь выбросит эту идею из головы?(((Сколько можно уже – два месяца

– Ну он же не специально, это защитная реакция.

– Не знаю. Мне кажется, он все понимает, просто так привлекает к себе внимание

– А психолог не помогает?

– да шарлатаны они все

– Ну вы, в общем, с Сашей поговорите

– ок

*

– Людмила Николаевна почему мой ребенок пришел домой весь в грязи и с разбитой губой? Его что бьют в школе? Почему вы не следите за классом?

– Арсений, вам чуть позже позвонит директор, когда вернется.

–...

– Возьмите трубку!!!!!! Объясните мне немедленно, что происходит!!

– Арсений, у меня урок. Я не могу все свое время посвящать вашему сыну «с особенностями».

– ну сказать-то мне, что его обижают, вы можете?

– Я вам говорила.

– вы говорили, что над ним девочки смеются, а не то, что его избивают

– Над ним все смеются! а вы как думаете, четыре месяца ходит с аквариумом и говорит, что в нем живет умершая бабушка. Вы представьте, какую эту реакцию вызывает

– а бьют-то его за что?

– Это он набросился на старшеклассников.

– в смысле? Саша не может ни на кого наброситься, вы о чем!

– Насколько я поняла, над ним решили пошутить и позвали с собой за школу курить. Один старшеклассник сказал, что у него тоже бабушка умерла и что это помогает...

– курить??? в таком возрасте!?

– И они вначале дали ему сигарету, а потом стали спрашивать, правда ли, что он считает рыбу своей бабушкой. А потом отобрали у него сумку и стали тушить окурки в его контейнере. И он тогда набросился на самого старшего и расцарапал ему шею и лицо... Еле оттащили. Тот, на которого Саша накинлся, разбил об стенку контейнер, а сумку забросили за забор. Но Саша успел спасти рыбу – он ее подобрал и побежал в столовую за водой.

– ужас

– Директор пока что в отъезде, но все виновные будут наказаны. Такого больше не повторится!

– Конечно, не повторится. Я ему сейчас объясню, где раки зимуют...

*

– Все. Завтра придет без рыбы.

– Наконец! Вы с ним поговорили?

– Поговорил.

– Ну хорошо.

*

– Арсений, простите, что беспокою ночью, но я никак не могу заснуть. Скажите, пожалуйста, с Крючком все в порядке?

– не совсем

- Что вы сделали?
- я его сварил
- Вы его сварили?
- да
- Зачем вы его сварили?
- Я сразу сказал либо ты перестаешь придуриваться, либо я сварю эту чертову рыбину. Он не перестал придуриваться.
- ... что с Сашей?
- Сказал, что ненавидит меня. И что нас всех самих надо сварить.
- Вас точно.
- встретимся на дне кастрюли, Людмила Николаевна
- Если он опять откажется ходить в школу, то нужна будет справка от врача.
- ок

Вышивальщик

Он просыпался в девять, когда похолодевшее к осени солнце укладывалось на пустую сторону кровати. Ставил чайник на кухне, напоминавшей однопалубный корабль в игре в морской бой. Раньше, бывало, они с Дятловым щелкали карандашными выстрелами в ожидании вызовов, а теперь любое действие ощущалось как бумажный выстрел по случайной клетке. Чайник с опаленным дном, пластинами накипи, дрейфовавшими внутри, и расплавленной крышкой доживал свой век. Норкин никак не мог заставить себя выгнать калеку из квартиры из-за ощущения какого-то с ним родства по дожитию. Хотя жизни после пятидесяти четырех оставалось не так уж и мало, Норкин уже со скукой глядел на ее остаток, как на куций старособачий хвост, который, как ему представлялось, уныло волочился по холодной земле и совсем уже редко подскакивал от восторга.

С тех пор как Норкина уволили из ЖЭКа и оставили заведовать домовыми трубами Дятлова, Василию жизнь окончательно разонравилась. Он и раньше не отличался щенячьим жизнелюбием: говорил мало, и в основном так, что дамские уши сворачивались в трубочку, ходил ссутулившись, но быстро ко всему привязывался – прилеплялся, как на «жидкие гвозди». И тогда из-за стены его молчания выглядывала коренастая нежность к миру.

С нежностью он наматывал лен на резбовое соединение полотенцесушителя. С заботой снимал облупившийся радиатор, чтобы хозяева могли выкрасить стену в модный вишневый цвет. С теплым удовлетворением шерудил толстой проволокой в сливе и разбирал над тазиком сифон, изрыгавший вонючие черные комки из пищи и жира, пока соседка в красном халатике, из выреза которого полная грудь высматривала новые возможности, хлопала в ладоши и совала ему несколько сотен на «добавку к чаю». И с тихой страстью, которую уж не было возможности применить к живому существу, он шел в магазин за этой самой добавкой и вместе с Дятловым раздавливал ее в однопалубной однушке, где он уже много лет был себе и шкипером, и рулевым, и юнгой, и оттого потерял всякое представление о своей личности.

По воскресеньям звонила дочь. Разговоры выходили суховатые, так как Василий в основном сурово молчал и слушал; только иногда спрашивал с надеждой, не сломалось ли что в ее доме, не заметна ли какая течь, чтобы обрести предлог для встречи. Но дочь обижалась и говорила, что все у них в порядке и непонятно почему он думает о них исключительно как о рукожобах. Иногда Норкин мыслями зарывался совсем уж в обидные дали и полунамеками выяснял, не дал ли течь ее брак, нормально ли функционируют дети – делал это только из любви, из вечного ожидания возвращения

дочери в родную гавань, но она еще больше обижалась и сухо прерывала разговор, сославшись на семейные дела.

Недели между звонками тянулись как двести раз пережеванная жвачка, давно потерявшая вкус. Скрашивали бледное время только вызовы соседей, привыкшие к норкинской сантехнической поддержке. Но все больше обращались с ерундой: засоры да подключение бытовой техники.

В этот раз дочь позвонила утром – чайник приветствовал ее веселым свистом. Погода на дворе стояла веселая, деревья выстроились за окном напомаженные, с высокими кудрявыми прическами, как у соседки Лидии Григорьевны, у которой вид был такой, будто она дошла до нас из екатерининских времен, засахарившись в пудре и пыли. Воздух был простодушный, мягкий и поддерживал румяную осень под локоток. Дочь сообщила о своем хорошем настроении и, поскольку отец еще не успел толком проснуться и наговорить неприятного, предалась воспоминаниям о детстве, в котором было хоть и небогато, но очень даже, как она сейчас поняла, ничего. Были у нее и куклы, хоть и не такие, о которых она мечтала, и целый караван вырезанных из дерева отцом верблюдов, и вышивание:

– Ты помнишь? Там же целые картины... цветы и домики...

– Куст был. С розами, – кивнул Норкин, который года два назад вышивки раскопал и в деревянных рамках повесил на стены.

– И животные какие-то были... – вспоминала дочь.

– Дельфины, – Норкин проскакал взглядом по стенам, – и жирафы.

– Ага. И еще какую-то большую картину я начала, но так и не закончила, мы с мамой съехали как раз... Наверно, потерялась, – задумалась...

– С ребенком, что ли?

– Ты помнишь?

– Ну! – у Василия сердце застучало быстрее оттого, что он наконец смог угодить.

– Ооо! Вот бы ее закончить! А нитки остались? – обрадовалась дочь.

– Все есть.

– Папа, давай я к тебе через недельку заскочу? Ты мне все сложи; я заберу, хорошо?

Она не была у него года четыре и редко называла его «папой». После разговора он тут же кинулся к шкафу, извлек шитьевой набор с нитками-мулине, пяльцами, иглками и канвой, разложил перед собой схему и пожелтевшую от времени ткань с начатым рисунком. Вышит был только верхний уголок. Норкин подумал, что дочь, наверное, расстроится: слишком мало сохранилось от ее труда и воспоминаний. Будто от двенадцати лет их семьи, от целого океана осталась одна кружка воды, а все остальное иссохло. Он и не заметил, как засел за вышивание. На схеме мать держала младенца.

Так он провел два дня. Вызовов не поступало. К вечеру понедельника пришел Дятлов. С Дятловым установились военно-дружеские отношения. Тот не заслуживал своего места: бессмысленно мельтешил руками-крюками, все у него подтекало, ржавело, расходилось, поэтому Норкин встречал его как захватчика. Но после некоторых матерных реверансов и просьб оставить в покое, Василий сдавался, размягчался и садился слушать дятловские жалобы на жизнь.

Плохо у Дятлова было все и всегда. Зарплату задерживали, жена притесняла и не давала простора, гримзы из ЖЭКа что-то замышляли против него, змеили коварные речи, соседка Маруся, пока он прикручивал ей фильтр вчера, рыдала в салфетку из-за отсутствия детей.

– Есть же у нее этот дрыщ, вот в него бы и причитала, а в меня за что? – обиженно буровил Дятлов, вытаскивая из-за пазухи бутылку водки, как замерзающего котенка.

Норкин пошерудил в холодильнике и извлек два яблока и заплесневелые останки сыра.

– Ну, бахнем, – кивнул он.

Опрокинули рюмки. Показалось, что после первой внутри наступило лето. Василий поприветствовал в себе тепло и пожалел Марусю за бездетность, заодно рассердившись на нее за то, что вызвала Дятлова, а не его.

К концу бутылки Дятлов раскоординировался и уронил свое размягченное тело на комнатный диван. И на тумбочке приметил «Мать с младенцем», из которой недвусмысленно торчала нитка с иголкой.

– Это што? – спросил он, подняв вышиванье за уголок над собой, как кусок гнилой картонки.

– Ничего. – Норкин попытался выхватить женщину с младенцем.

– Это ты, что ли, так? – Дятлов далеко вытянул руку, взгляделся в рисунок и заржал. – Ниче се.

– Верни, сука, – прошипел Норкин.

– Да че ты!.. – продолжал хохотать гость. – Нормально так.

Василий выдернул наконец свое тканевое достояние из варварских рук:

– Хрен кукурузный, – просвистел он сквозь зубы.

После молчания Дятлов заметил, бросив взгляд на бутылку:

– Кончилась, сволочь.

Похлопали по карманам, прояснили общее безденежье.

– А давай мы эту твою из ниток Маруське толкнем? – придумал пьяный Дятлов.

– Это для дочери...

– Так ты ей еще забубенишь!

– Да Маруська не возьмет. Зачем ей?

– Ну вдруг... за бутылку-то?

Два раскаченных тела извлекли вышивку из пялец и спустились на второй этаж. На писк звонка из дверей вынырнула облепленная картофельным запахом, растрепанная домашней жизнью женщина в линялом платье.

– Маруська, ребенка хочешь? – с порога в карьер шатнулся Дятлов.

– Вы что! – расстроилась Маруська из-за грубого копошения в ее мечте. – Полдень еще только, а вы уже как нелюди...

Норкин перестал слышать в себе китовье-океаний звон, и теперь, когда он почувствовал, что растолкал чужое горе, к пьяной пустоте примешался стыд.

– На вот, – запихнул он неоконченную вышивку в белые руки. – Это тебе.

Маруська развернула ткань, и от растерянности у нее набили слезы в глаза.

– Что это?

– Это твой ребенок, – смешавшись, бухнул Норкин, разворачиваясь для подъема домой.

– Это что? – растерянно повторила женщина, и несколько слезинок прыгнули на ткань.

– Да чего ревешь-то? – сказал Дятлов. – Это вон Васька все – сам. Чтоб у тебя все хорошо было.

Маруся продолжала непонимающе молчать.

– Пошли, – потянул Василий напарника за собой.

– А отблагодарить-то? – пробурчал Дятлов.

– Пошли, тебе говорят...

Когда они поднялись в однопалубный корабль, Норкину стало так горько и печально, что он вытолкал Дятлова за дверь и рухнув в кресло заплакал, размазывая кулаком слезы по щекам.

Румяная осень бледнела с каждым днем. Наплывали туманы. Наскакивали дожди, сбивали цветные рюши с пышного платья природы. Обшитые белыми инеем, трепетали на ветру сердца осин. У окон дежурила сонная тишина, прикрытая телевизионным бормотаньем. Он вышил картину заново, но дочь в выходные не приехала. У нее засопливели дети. Потом всей семьей ездили на рынок пополнять запасы. Потом

старшему строгали какую-то декоративную доску на труды. Потом сломалась машина. Потом Василий перестал спрашивать и спрятал пакет с нитками в дальний угол шкафа.

Он просыпался в девять, плелся на кухню, заваривал чай, ходил на вызовы и ждал выходных.

Однажды, когда снежная мошкара облепила деревья у дома, Норкин распахнул дверь и обнаружил за ней Марусю. Она изменилась: как будто подступившая зима выбелила ее картофельную кожу, присыпала серебром серый взгляд и как-то ее всю подсветила изнутри. Она протянула ему два больших черных пакета и выдохнула:

– Сбылось, Василий Иванович.

Василий посмотрел на нее непонимающе.

– Уж не знаю, как это так, может, это и не вы, конечно... Но мы пять лет пытались.

Врачи сказали – без шансов. И вот...

– Чего?

– Чудо, наверное, не знаю...

– Беременна, что ли?

– Ага. Это из-за вас? – она опять протянула ему пакеты.

– Да я-то что... – он почесал затылок. – Ты извини, что тогда так. Очень мне стыдно...

– Это все-таки вы! Берите, устала держать уже, – Маруся поставила пакеты к его ногам.

– Это что?

– Всякое там, отблагодарить. Спасибо вам, Василий Иванович.

– Да ну...

Он долго сидел в задумчивости на кухне, наблюдая за мелким снегом. На столе громоздились две бутылки коньяка, колбасы, сырные треугольники, банки красной икры, конфеты, консервы, чай. И новый шитьевой набор.

Для осмысления произошедшего был вызван Дятлов. Дятлов ел икру ложкой, пил коньяк полустаканами и прицокивал языком.

– Вот баба уверовала... Соображения как у капусты! – качал головой Норкин.

– Екарный смех, – кивал собутыльник.

Открыли банку с соленьями.

– Домашнее, – сказал Дятлов.

– А вдруг правда? – подумал Норкин. – Вдруг, правда, сбылось...

– Да ну тебя, – махнул рукой Дятлов и хрустнул огурцом.

– А вдруг. Давай проверим. Ты чего-нибудь загадай, а я вышью. Ну так... в общих чертах. По-быстрому.

– А давай нашу! – расхохотался Дятлов.

Василий раскопал в шкафу пяльца и за пятнадцать минут на краешке, оставшемся от второй матери и младенца, сообразил что-то, отдаленно напоминавшее бутылку. На всякий случай добавили прямое указание косыми стежками («ВОДКА»).

Через полчаса опять загудел звонок. На пороге стоял Марусин дрыщ.

– Василий, меня жена отговаривала... Но я подумал: чем черт не шутит. Может, вы нам еще колясочку вышьете двойную? А то фиг найдешь у нас.

Дятлов высунулся из-за двери:

– А благодарность?

– Так не постоим, – обрадовался проситель. – Сейчас. – Он перескоком через ступеньку направился вниз и скоро вернулся с двумя бутылками. – Вот!

Затворив дверь, поставили бутылки на стол и сели друг напротив друга.

– Однако... – сказал Дятлов.

– Ты... – протянул Норкин, – никому не говори только.

– Совпадения же... – протянул Дятлов.

Утром у дверей образовалась Лидия Григорьевна, припорошенная пудрой времени. Сверкая черными глазами, она гаркнула, как ворон, и стукнула об пол тростью для убедительности:

– Молодости!

Василий соседки побаивался и от замешательства, не спросив, плеснул ей и себе коньяка. Лидия Григорьевна рюмку опрокинула, вавилонская башня прически на ее голове качнулась от удовольствия.

– Сделаешь? – нетерпеливо спросила она.

– Как же я вам сделаю молодость? – удивился Норкин. – Это же не коляска. Это не получится.

– А вот! – Лидия Григорьевна полезла в карман черного пальто, похожего на воронье оперение, и вытащила аккуратно сложенную вчетверо бумагу.

Это была схема вышивки с черноволосой красавицей.

– Один в один я пятьдесят лет назад, – объяснила старуха.

– Не получится, – отрезал Василий.

Тогда гостя вытащила из другого кармана бумажный сверток:

– На.

– Что это? – насторожился Норкин.

– Десять пенсий.

– Да хоть двадцать, Лидия Григорьевна. Молодость не сбудется.

– А ты вышей, а остальное уж мое дело. Вышить-то можешь?

– Вышить я могу, но говорю вам – вы не сможете помолодеть на пятьдесят лет. Так не бывает.

– Я знаю, – кивнула упорная старуха.

– Ну а зачем тогда?

– Это с запасом. Хоть бы десяток сбросить. Думаешь, я ради красоты? Да бог с ней. Спина болит. Так, будто в меня гвозди забивают, как в крышку гроба. Вышей, Василий! Ну что тебе?

Василий растрогался:

– Ладно. Но деньги вы заберите... не надо мне.

На двух матерях с младенцами Норкин руку набил, но черноволосая красавица была большая – сидеть не меньше недели. Да так ему жалко стало старуху, что тут же он сомкнул пальца на белой ткани и крестик за крестиком стал выводить портрет. В конце концов, раз ей так легче... Молодость, ясен пень, не сбудется. Но что есть возраст, как не вера в него? Он вышивал и вышивал. Казалось, что не нитка вдета в иголку, а накопившаяся в Василии нежность.

Приходили другие соседи, малознакомые. Одни просили машину, другие – найти кота. Машину Василий отверг по причине поверхностности желания. А на кота согласился.

Хоть и не верил в спасение кота посредством его вышивания, чтобы успокоить хозяев, Василий на всякий случай записал в блокнот окрас и кличку и, поскольку кот мог замерзнуть в зимнем дворе, сразу вышил его по «бутылочной технологии», то есть как попало, на глаз, и подписал стежками: «Кот Арсений».

После засел за заказ Лидии Григорьевны. Ему снилось, как в старушкину спину вбивают гвозди, и он просыпался среди холодного рассвета, включал настольную лампу и складывал черную нитку пополам.

Когда снова вышел из квартиры, обнаружил на лестничной клетке небольшую очередь смущенных людей, которые сказали, что ждали начала его рабочего дня.

– Я еще утром поняла, что ты закончил, – сказала соседка, принимая готовую работу. – Проснулась, и не болит почти. Последние недели так болело, хоть вой. Да что сделаешь, когда старость. А сегодня будто снег в душе включили – всю боль заложил.

Норкин выпил чаю в гостях, еще раз отказался от денег, но от продуктов и бутылки отказываться не стал. И вернувшись в свой подъезд обнаружил, что очередь удлинилась.

– Можно? – спросил его робкий голос.

– Заходите, – коротко кивнул Норкин с видом высокопоставленного врача.

Просили вещей самых обычных и самых невероятных. Просили собственной зарплаты, которую задерживали, просили выиграть тяжбу с теткой о наследстве, опять просили найти кота, так как первый кот, Арсений, обнаружился в подвале и его имя передавалось из уст в уста, просили любви, просили стиральные машинки, холодильники, компьютеры, ремонт, звукоизоляцию, путевку на Кипр, поездку на Дальний Восток, домик в деревне, смену в лагере, одна девочка просила, чтобы родители разрешили морскую свинку, просили исцеления от разных болезней, выигрыша в лотерею, опять найти кота, найти собаку, найти машину... С ремонтами, наследством и машинами Норкин прогонял сразу.

О звукоизоляции просили из-за маленького ребенка, которого будила музыка и молодежно-лошадиное ночное скаканье соседей, так что Василий сжалился. Правда, не смог придумать, как должна выглядеть звукоизоляция, поэтому просто крупными стежками на обрезке написал «ТИШИНА». Потом владельцы тишины пустили слух, что звукоизоляции так и не дождались, совершенно разочарованы «этим Норкиным» и веры ему нет, сплошное вымогательство. Нашлись еще обиженные, обвиняли во всех тяжких, чуть ли не в том, что «вышивальщик» сам угоняет машины, а потом их «находит» на обочинах.

Как-то Норкина подкараулил Маруськин дрыщ:

– И где коляска? – рассерженно то ли спросил, то ли потребовал он.

Василий складывал в пакет только что пробитые в магазине средство для мытья посуды и порошок.

– Коляска будет? – не унимался дрыщ.

Норкин весь поджался, как заяц перед убеганьем, потому что понятия не имел, будет коляска или нет.

– Ты чего пристал? – заступился мужик с таксой из очереди. – Купи коляску и будет тебе коляска. Нашел на что дар тратить!

– Я ему заплатил.

– Да что ты наваливаешь?! Он денег не берет, это все знают! Ну-ка двигай отсюда.

И дрыщ ретировался.

Но слухи о «даре» даже с волнами вперехлест все расплзались, как океан надежды.

Камчатский вулкан и деревенский домик Василий вышел ради интереса – через месяц немного приелось вышивать котов и нездоровые человеческие органы.

С болезнями было особенно сложно. Люди бухались на колени, целовали руки. Он предупреждал, что надо лечиться, а не вышиваться, что его силы сугубо человеческие, но его не слушали. Как и с Лидией Григорьевной, он сдавался, видя нужду в поддержке и вышивал «сердце Елены», «желудок Федора», «память Константина».

Больше его не звали чистить засоры и ставить раковины – дорожили чудотворными руками. Прослышав, что деньгами вышивальщик не берет, таскали продукты под дверь, сваливали огромными пакетами на лестнице, так что запасов на Норкинском одиноком корабле уже хватало на прокорм целой африканской деревни. Он стал отдавать еду просителям.

Помимо болезней, Василия трогали просьбы о любви.

Он вспоминал себя, свою жизнь с холодной женой. Как грудилась дворовой компанией возле лавочки, щелкали семечки, пили пиво, и как она громко смеялась и бормотала, как будто бы заговаривала разбросанные вверху камешки звезд; он молчал, а она сидела рядом, потом сидела у него на коленях, обнимала шею морозными руками. Ей нравилось, что ее кто-то слушает, ведь до этого не слушал никто: ни своенравные

подружки, ни прокопченная на трудной работе мать, ни учителя, требующие дифференциалов, ни другие парни, которые сами смеялись и бормотали и сами обнимали ее. И размякнув оттого, как он крепко приклеился к ней, как он многозначительно смотрел и терпел любое ее слово и смешок, она вышла за него, но скоро начала скучать, ведь на самом деле не любила ни молчания, ни терпения. А когда появилась дочь, заполнившая собой все жизненное пространство, отнявшая внимание, жена стала совсем далекой. Утром молчала, днем пропадала на работе, где-то гуляла по вечерам, а по ночам отползала на самый краешек кровати, засыпая там, будто бы над бездной. Он любил дочь, как первый снег, – всегда ясную, всегда разную, желанную после осенней серости. Он купал ее, вырезал ей верблюдов, водил в сад, а потом в школу, решал с ней уравнения, хотя они ему тяжело давались. Он любил жену, которая лежала рядом как маленькая льдинка, истончавшаяся от его тепла. Так тянулось двенадцать лет – от морозных звезд к ледниковому молчанию. А потом вспыхнул у нее другой мужчина, с которым можно было говорить, у которого была интересная работа и который прогнал ее с дочерью через полгода. Но к Василию она больше не вернулась – слишком тягостной казалась ей прошлая жизнь.

Поэтому всем просившим любви Норкин сразу вышивал небольшое сердце со стрелой Амура, перерисованное из девичьего журнала.

Когда снега окружили дом, а ветер трубил о сумрачных днях, раздался особый звонок – долгий и тревожный. Это был звонок не просящего, а приказывающего. Норкин открыл дверь, и в нее вошли трое в костюмах. Главный – широкий, как русское поле, с румяными рассветными щеками, в отутюженной рубашке, из-под которой выглядывала тяжелая золотая цепочка, – грохнул на стол дипломат. Дипломат был набит деньгами.

– Это что? – не понял Норкин.

– Это за работу, – объяснил помощник щекастого.

– Я не беру денег.

– А что берешь? – спросил главный.

– А вы с чем пришли? – спросил Норкин.

– Походу с тюрьмой, – сказал щекастый, – мы там с одним делом под камеры попали.

– С каким делом?

– С таким, о котором тебе лучше не знать, – отрезал помощник.

– А от меня вам что надо?

– Надо не попасть в тюрьму.

Василий посмотрел на главного.

– И как мне вышить свободу?

– Кто тут вышивальщик, я или ты? – мужик пробуравил Норкина таким взглядом, будто дрель направил в лицо.

– Что вы от меня хотите? – упрямо пробубнил Норкин.

– Ну хоть статую Свободы, – предложил первый помощник.

– Или решетку перечеркнутую, – предложил второй помощник.

– А если не сработает? Не у всех срабатывает.

– Ты сделай. А мы уж сами разберемся.

Василий неуверенно мотнул головой.

– Красиво... – Щекастый отвернулся к окну и стал наблюдать за сходящим по темноте снегом. – Вот что. Через неделю ребята зайдут. Если не будет готово, то мы тебя закопаем вон там. – И он показал в сторону особой красоты.

Трое ушли. Норкин крикнул очереди в подъезде, что ближайшую неделю приема не будет. Хвост очереди зашевелился и начал уползать. Руки дрожали. Он бросился к книжному шкафу и нашел какой-то старый учебник по географии. Жадно перелистывая страницы, разыскал нужный рисунок. Начал вышивать женщину с факелом и скрижалей. И только на рассвете, закончив работу, смог задремать.

Проснувшись, позвонил Дятлову. Тот явился надутый и бледный. Дятлову не нравилось норкинское возвышение.

– Ну, Гарри Поттер, звезда во лбу не погасла? – поприветствовал он.

– А меня, наверное, убьют... – ответил Василий невпопад.

После этого дятловская ревность переломилась, и он, разлив «нашенскую», стал вникать в историю. Выслушав, он задумчиво кивнул:

– Так отдай им эту статую и пусть двигают на все четыре стороны. Они же от тебя больше ничего не требуют. Ты просто отдай им, что они хотят, и все.

– А если исполнится... – протянул Норкин.

– Эээ, брат... Ладно другим голову морочить, но себе... Ты совсем больной? Знаешь, у скольких не исполнилось? Особенно про болезни. И крупные вещи не у всех. И коляски у Маруськи так и нет.

Василий понял, что друг усердно собирал досье на его чудотворную несостоятельность.

– У многих исполнилось. Они идут ко мне. Десятки людей. Благодарят.

– Да это самовнушение все и совпадения. Котенок убежал, котенок нашелся, и на тебе – чудо небесное...

– И все-таки. Вдруг они убили кого, а из-за меня у них свобода сбудется.

– Так, – подытожил Дятлов, опрокидывая четвертую рюмку. – Тут все просто. Ты жить хочешь?

– Хочу, – сказал Норкин, опрокидывая четвертую рюмку.

– Статую им отдашь?

– Отдам.

Вечером он поставил чайник-калеку и включил телевизор. В новостях передавали, что на пешеходном переходе известный бизнесмен сбил восьмилетнюю девочку. В нарезке кадров мелькнул розовощекий. Норкин долго сидел над статуей Свободы и сверлил ее ненавидящим взглядом.

Он не мог заснуть и рано утром, по темноте, поплелся бродить по городу. Колючий воздух упирался ему в лицо. Нахмутив лоб, сбоку плыла задумчивая луна. По своим маленьким делами спешили первый люди. Он прошел мимо лавочки, где жена когда-то сидела у него на коленях, мимо школы, откуда он забирал свою дочь и вел ее через дорогу, мимо спящего рынка, где торговали барахлом и жизнью. Все есть барахло, все есть жизнь – думал он. И разбухавший, словно белая вата, день уже не казался таким серым и холодным.

Была еще только пятница, но вечером позвонила дочь. Василий вначале испугался плохого, но оказалось – ничего не случилось, дочь просто хотела поболтать. С тех пор как он перестал одолевать ее своими течами и поломками и зажил какой-то неординарной и недоступной ей жизнью, все стало легче и проще.

– Помнишь, как я водил тебя в школу зимой? – спросил он вдруг. – Было холодно и темно.

– Ага, – сказала она. – Пап, я в воскресенье приеду: за вышивкой-то. Ты мне обещал – женщину с младенцем.

– Приезжай.

– А ты ее никому еще не подарил? Ты у нас теперь нарасхват...

– Она в шкафу, если что.

– Ну ты мне ее отдашь?

– Отдам.

– У тебя там, наверное, толпы людей всегда?

– Сейчас нет. Я в отпуске.

– А ты про Лидию Григорьевну знаешь?

– Нет. А что?

– В больнице, говорят, в тяжелом состоянии. А мне в детстве казалось, что она будет жить вечно.

Норкин помолчал.

– Пап, я только хотела сказать... У нас тут разное про тебя говорят. Но ты знай, что я в тебя верю... Вот. Ты же знаешь?

– Угу.

– В общем, скоро увидимся? Пока.

– Пока.

Дверной звонок настиг его на следующий день. Он впустил к себе двух помощников. Главного с ними не было.

– Ну, – промычал первый помощник.

Норкин отдал ему вышивку. На ткани вместо свободы сияло большое красное сердце.